

Сергей Есенин в жизни и творчестве

По личным воспоминаниям Л. И. Повицкого.

24 и 25 сентября в Туле пройдут VIII Есенинские чтения, которые приурочены ко дню рождения поэта и 70-летию посещения С. А. Есениным нашего города.

Литературная студия московского Пролеткульта в 1918 году была притягательным местом для молодых поэтов и прозаиков из среды московских рабочих. Слушателем студии был и я.

Бродя однажды по широким коридорам особняка Морозова, в котором с удобством расположился Пролеткульт, я наткнулся на спускавшихся по внутренней лестнице дома двух молодых людей. Одного из них я знал. Это был недавно поступивший на службу в канцелярию Пролеткульта крестьянский поэт Клычков. Он остановился и, кивнув на стоявшего с ним рядом молодого парня в длиннополой синей поддевке, сказал:

— Мой друг — Сергей Есенин!

Рядом с высоким, черноволосым, с резко выраженными чертами лица Клычковым худощавый, светлолицый, невысокого роста Есенин казался женственно-хрупким и слабым на вид подростком. Это первое впечатление еще более усилилось, когда он улыбнулся и певуче произнес:

— Сергей Антонович меня здесь приютил у вас, — и он указал куда-то неопределенно вверх.

Позднее я к ним заглянул. Они ютились в получердачном помещении, под самой крышей... Здесь, у Клычкова, и поселился недавно переехавший из Петрограда Есенин...

По приезде в Москву Есенин очутился в затруднительном положении. С Зинаидой Николаевной Райх он разошелся, и собственного угла у него не было. Толстые журналы были закрыты, и печататься было негде. Голод в Москве давал себя чувствовать все сильнее и сильнее. Надо было что-то предпринимать.

После одной долгой беседы мы пришли к мысли открыть собственное издательство. Мы разработали устав, согласно которому членами этого кооперативного издательства могут быть только авторы будущих книг. Из чистой прибыли двадцать пять процентов отчисляются в основной фонд издательства, а остальные семьдесят пять поступают в распоряжение автора книги. Есенин взял на себя подбор родственников по духу лиц для организации этого дела.

На первом организационном собрании будущего издательства нас было пять человек: Есенин, Клычков, Петр Орешин, Андрей Белый и я. Название издательству было подобрано легко и без споров: «Трудовая артель художников слова». Роли членов «Артели» были распределены так: заботы о финансовой стороне дела были возложены на меня; ведение переговоров с типографией и книжными магазинами взяли на себя Есенин и Клычков; что-то было поручено Орешину, а Андрей Белый, восторженно закатывая глаза, взволнованно заявил:

— А я буду переносить бумагу из склада в типографию!

Есенин тихонько мне шепнул:

— Вот комедиант... И глазами, и словами играет, как на сцене...

Когда возникли долгие споры и разговоры о том, как достать бумагу для первых двух книжек, Есенин вдруг решительно произнес:

— Бумагу я достану, потом узнаете, как...

Все запасы бумаги в Москве были конфискованы и находились на строжайшем учете и контроле. Есенин все же бумагу добыл. Добыл тем же способом, какой он несколько позднее применил в новом своем издательстве «Имажинисты». Способ этот был очень прост и всегда давал желаемые результаты. Он надевал свою длиннополую подделку, причесывал волосы на крестьянский манер и отправлялся к дежурному члену Президиума Московского Совета Стоя перед ним без шапки, он кланялся и, старательно окая, просил «христа ради сделать божескую милость» и дать бумаги для «крестьянских» стихов. Конечно, отказать такому просителю, от которого трудно было оторвать восхищенный взор, было немислимо.

И бумагу мы получили.

Первой была напечатана книжка стихов Есенина «Радунца». Вслед за «Радунцей» вышли в свет «Голубень», «Сельский часослов», «Преображение», «Ключи Марии».

По предложению Есенина мы ввели новое летосчисление, и на обложках наших книжек можно было читать: «2-й год 1-го века».

Намечены были к изданию, как гласило объявление на последней странице «Преображения», книжки стихов Клычкова, Орешина, Ширяевца, Повицкого, Кузько, Спасского и других. Однако даже напечатанные книги имеют свою судьбу: издательство неожиданно «лопнуло». Пришли ко мне Есенин и Клычков и объявили, что в кассе «Артели» нет ни копейки денег, купить бумаги не на что, и, следовательно, «Артель» ликвидируется.

Есенин взволнованно и резко обвинял во всем Клычкова, утверждал, что тот, будучи «казначеем», пропил или растратил весь наш основной фонд. Клычков не признавал за собой вины и приводил какие-то путаные объяснения. Так или иначе, но продолжать дело было нельзя. Издательство «Трудовая артель художников слова» перестало существовать. После распада «Артели» материальное положение Есенина снова ухудшилось. Он временами переживал подлинный голод.

Характерен в этом отношении следующий случай.

Однажды Есенин с Клычковым пришли ко мне на квартиру в «Петровских линиях», где я тогда проживал. Поговорили о том, о сем, и я предложил гостям поужинать. Оба охотно согласились. Я вышел в кухню для некоторых приготовлений. Возвращаясь, «сервирую» стол и направляюсь к буфету за продуктами. Там хранился у меня, как особенно приятный сюрприз, довольно большой кусок сливочного масла, недавно полученный мною от брата из Тулы. Ищу масло в буфете и не нахожу.

Оборачиваюсь к гостям и смущенно говорю:

— Никак масло не найду...

Оба прыснули со смеху. Есенин признался:

— А мы не выдержали, съели все без остатка.

Я удивился:

— Как съели? Ведь в буфете хлеба не было!

— А мы его без хлеба, ничего — вкусно! — подтвердили оба и долго хохотали, любуясь моим смущенным видом.

Конечно, только буквально голодные люди могут наброситься на масло и съесть его без единого кусочка хлеба.

Я решил временно увести Есенина из голодной Москвы. Я уехал с ним в Тулу к моему брату, Продовольственное положение в Туле было более благополучным, чем в Москве, и мы там основательно подкормились. Для Есенина это была пора не только материального достатка, но и душевного покоя и отдыха. Ни один вечер не проходил у нас впустую.

Брат, человек музыкальный, был окружен группой культурных людей, и они тепло встретили молодого поэта. Ежевечерне Есенин читал свои стихи. Все написанное им он помнил наизусть. Читал он мастерски. Молодой грудной тембр голоса, выразительная смысловая дикция, даже энергичная, особая, чисто есенинская жестикуляция придавали его поэтическому слову своеобразную значимость и силу.

Иногда он имитировал Блока и Белого. Блока он читал серьезно, с уважением. Белого — с издевкой, утрируя как внешнюю манеру читки Белого, так и содержание его потусторонних мистических «прорицаний».

Часто Есенин пускался в долгие филологические - философские споры с собравшимися, причем философские его искания были

довольно туманного порядка, типа рассуждений об «орнаменте в слове», несколько позднее изложенных им в «Ключах Марии». Доставляли огромное наслаждение музыка его речи, душевная взволнованность, напряженность мысли, глубокая убежденность в правоте своих исканий необычная для того времени тема его откровений. Спорщики в конце концов затихали и сами с интересом вслушивались в густо насыщенную образностью и старорусской песенностью импровизацию на тему об орнаменте в слове и в быту...

Днем мы с Есениным шатались по базару. На это уходило время между завтраком и обедом. Есенин с азартом окунался в базарную сутолоку, вмешивался в дела базарных спекулянтов и завсегдатаев рынка.

— Да ты посмотри, мил человек, что за сало! Не сало, а масло! Эх, у нас бы в Москве такое сало!

— Отчего же не купишь, если так расхваливаешь?— спрашивали любопытные.

— А где мне такие «лимоны» достать? — отвечал Есенин к общему удовольствию публики.

«Лимонами» тогда на базаре называли миллионы.

За обедом он делился рыночными впечатлениями, тут же дополнял их собственными вымыслами и необычными подробностями. Все слушали его с удовольствием.

Все нравилось Есенину в этом доме: хозяйва, их гости, уютные небольшие комнаты, распорядок дня и ночи. Но в искренний восторг он приходил от одного, будто маловажного обстоятельства. К завтраку, обеду или ужину нас никогда не звали. Приглашение к столу заменяла музыка: сигналом к завтраку служила «Марсельеза», к обеду — «Тореадор», к ужину — какая-нибудь популярная ария из оперы или оперетты. Есенин уверял, что он только потому и ест с аппетитом, что он сам, как корова, очень отзывчив на «пастушью дудку».

Иногда мы посещали местный театр. Нам подавали заводские просторные санирозвальни, и мы валились на них по 5—6 человек. Есенин стоя помогал возчику править. Он оглушительно гикал, свистел и восторженно оглашал улицу криками: «Эй, берегись! Право! Лево!»

Игра артистов доставляла ему меньшее удовольствие...

Вернувшись в Москву, он часто рассказывал друзьям о «тульских неделях», но обыкновенно приукрашивал и расцветчивал недавнюю быль.

В 1919 году произошла встреча Есенина с Мариенгофом, и возник их литературно-бытовой союз. В начале своего возникновения творческий союз Есенина с Мариенгофом был плодотворным для обоих.

Меня друзья давно звали в Харьков — город и без того близкий по студенческим годам. Я приехал в Харьков и поселился в семье моих друзей. Конечно, первые же дни я им прочел все, что знал наизусть из Есенина. Девушки, а их было пятеро, были крайне заинтересованы как стихами, так и моими рассказами о молодом крестьянском поэте. Можно себе представить их восторг, и волнение, когда я спустя немного времени неожиданно ввел в дом Есенина. Он только что приехал в Харьков с Мариенгофом...

Конечно, девушки настояли на том, чтобы оба гостя поселились у нас, а те, разумеется, были этому очень рады, ибо мест в гостиницах для таких гастролеров в то время не было.

Пребывание Есенина в нашем доме превратилось в сплошное празднество. Есенин был тогда в расцвете своих творческих сил и душевного здоровья. Помину не было у нас о вине, кутежах и всяких излишествах. Есенин, как и в Туле, целые вечера проводил в беседах, спорах, читал свои стихи, шутил и забавлялся от души...

КОММЕНТАРИЙ В. В. ПИЛИПЕНКО. Воспоминания Льва Иосифовича (Иоселевича) Повицкого (1885—1974), участника революционного движения, журналиста, сотрудника ряда газет и журналов, публикуются по книге «С. А. Есенин в воспоминаниях современников в двух томах». (Том второй. М., 1986, с. 232 — 239). Дружеские отношения с Есениным Повицкий поддерживал до конца жизни поэта, «Особенно сблизились они в 1924—1925 годах, во время пребывания Есенина в Батуме» (там же, с. 392). Чтобы как-то разобраться в воспоминаниях Л. И. Повицкого, процитирую здесь воспоминания А. Б. Мариенгофа, опубликованные еще в 1926 году: «Идем по Харькову— Есенин в меховой куртке, я в пальто тяжелого английского драпа, а по Сумской мрлодые люди щеголяют в одних пиджачках. В руках у Есенина записочка с адресом Льва Осиповича Повицкого — большого его приятеля. В восемнадцатом году Повицкий жил у брата на пивоваренном заводе. Есенин с Сергеем Клычковым гостили у них изрядное время. Часто потом вспоминали они об этом гошенье, и всегда радостно...

У Повицкого же рассчитывали найти в Харькове кровать и угол...»

Как видим, в воспоминаниях нет указания на точное время «гощений» Есенина в Туле. Мариенгоф называет 1918 год, а Повицкий указывает, как я считаю, на другой год и другие факты биографии поэта.

Как известно, кооперативное издательство «Московская трудовая артель художников слова» осенью 1918 года только развернуло свою деятельность, а Повицкий говорит о распаде «Артели», о подлинном голоде в Москве, о миллионах, которые были в ходу на рынке. А это противоречит историческим фактам. К тому же он не говорит ни слова о Клычкове, о посещении редакции газеты «Коммунар», о тульском парке. Если бы Есенин с Клычковым ехали в гости к Повицкому и тем более с только что вышедшими книгами, то уж наверняка они бы ему их и вручили с соответствующими дарственными. Ведь праздник-то общий! Предполагаю, что первый приезд Есенина в Тулу носил чисто деловой характер: нужны деньги для только что созданного издательства, нужна бумага, нужна реклама книгам, нужны магазины сбыта издаваемых ими книг. Есенин вспомнил родственника, предположим, не безбедного, с положением, как в ниже публикуемых воспоминаниях. Случай не стоит упускать. И книги продолжают выходить вплоть до 1921 года. Но в 1921 году и издательство лопнуло, и друзья рассорились, и «лимоны» стали в ходу. А поскольку Повицкий был в курсе всех событий своих сопайщиков по кооперативному делу, то и все факты их биографии 1918—1921гг. вполне мог перепутать, приступив к написанию своих воспоминаний через 30 лет, то есть в 1954 году. К тому же в них нет фамилий тульских друзей его брата, Вера (Бориса) Иоселевича Повицкого, жившего в Туле в 1918—1919 годах на улице Ново-Павшинской (ныне Коминтерна), в доме № 40.

Гость «Коммунара»

Из статьи Н. М. Добротвора «Страничка из истории тульской революционной печати».

...В ноябре 1918 г. а «Коммунар» пришли поэт С. Есенин и его приятель поэт С. Клычков. Есенин принес на отзыв только что вышедший сборник своих стихов «Преображение», а Клычков передал редакции свой сборник «Дубравна». Есенин выглядел очень молодо. Он был немного ниже среднего роста. В беспорядке раскинуто! русые волосы, го-

лубые глаза.

— Вот, принесли вам на рецензию наши книжицы. — сказал Клычков.

Редактор «Коммунара» передал книжки мне. Бегло просмотрев сборник Есенина, я сказал:

— Я не согласен с принципами имагинизма (в то время Есенин считался главой имагинизма в России).

— А почему! — спросил Есенин.

Я открыл первую страницу сборника и прочитал:

«Небо, как колокол.

Месяц — язык...»

И говорю:

— Что здесь хорошего? Надуманные образы... Начался спор. Сам Есенин в нем почти не принимал участия. Он выглядел застенчивым, чувствовалось, что спорить он не мастер. Другое дело Клычков. Он за словом в карман не лез, умел парировать удары и придерживался наступательной тактики.

Есенин восторженно отзывался о тульском парке.

— Полюбил я ваш парк, — сказал он.

А потом добавил:

- Я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям, это самое лучшее, что есть в Туле...

КОММЕНТАРИЙ В. В. ПИЛИПЕНКО:

Н. Добротвор указывает, что первые организационные собрания состоялись в помещении, где был горсовет (Коммунаров, 2). Там же в дальнейшем помещалась и редакция газеты.

Автор статьи ошибается, указывая, что Есенин принес только что вышедший сборник своих стихов «Преображение», т. к. чуть ниже цитирует строки из сборника «Сельский часослов». Добротвор, к моменту писания статьи, ни того, ни другого давно уже не имел. Известный в Туле библиофил, издательский работник М. А. Мосолов (1905 — 1983 гг.) еще в 30-е годы эти сборники приобрел у Добротвора, а в 1975 году они поступили в мое собрание. Ныне хранятся в музее С. А. Есенина на общественных началах (Советский пер., 9 здание ТООВООПИК).

Известный советский есениновед В. А. Вдовин указывает, что сборник «Сельский часослов» вышел из печати в начале декабря 1918 года. Соответственно, поэт мог быть в редакции «Коммунара» или в ноябре с сигнальным экземпляром книги, или же в первой половине декабря с поступившим в продажу сборником. Если же учесть тот факт, что М. А. Мосолов вместе с книгами Есенина передал и книгу Сергея Клычкова, но не «Дубравна», а «Потаенный сад» 1919 года издания, да еще и приобретенную в Туле (на книге есть штамп),- то... Дата посещения поэтами «Коммунара» отодвигается на начало 1919 года, и строки Добротвора: «В то время Есенин считался главой имагинизма в России» находят тогда документальное подтверждение. Декларация имагинистов была опубликована в воронежском журнале «Сирена» 30 января и затем — в московской газете «Советская страна» 10 февраля 1919 года. (С. А. Есенин. Собрание сочинений, т.5, М., 1979, с. 375).

По устным рассказам старожилов-туляков, мне известно, что Сергей Есенин выступал в театре Пролеткульта, в клубе «Пролетарий» и «Эрмитаже». Добротвор указывает, что клуб «Пролетарий» «находился в летнем театре в саду на углу Первомайской и улицы Бундурина, напротив парка культуры и отдыха: сад впоследствии был вырублен, клубное здание разобрано, и теперь на его месте стоит многоэтажный жилой дом». Это прямо перед памятником В. В. Вересаеву. К сожалению, пока не найдены в газетах тех лет, в наших архивах документальные подтверждения вышесказанному. Нужны новые поиски.

Высказывания

О ПОЭТЕ

М. ГОРЬКИЙ.

Какой чистый и какой русский поэт.

(Собрание сочинений в 30 томах, т. 29, М., Гослитиздат, 1955, стр. 470).

А. СЕРАФИМОВИЧ.

Кто такой был Есенин?

С огромной интуицией, с огромным творчеством — единственный в наше время поэт. Такой чудовищной способности изображения тончайших переживаний, самых нежнейших, самых интимнейших — ни у кого из современников. И огромная, все ломающая смелость эпитетов, сравнений, выражений, поэтических настроений. Сам. Ни у кого не спрашивал, никому не подражал. За ним косолапо тащились другие, бездарно и убого. Чудесное наследство.

(Сборник неопубликованных произведений и материалов. М., «Худ. литература», 1958, стр. 313).

Д. ФУРМАНОВ.

Озорство, хулиганство его - не страшно, он отразил настроение предреволюционной крестьянской молодежи. Его двойственность как вообще качество, свойственное крестьянину. В его мирозерцании не сведены концы с концами, и об этом он не заботится, этим не мучится.

Стихи последнего периода - симпатии к советской власти.

(Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. М. «Худ. литература», 1961, стр. 409—410).

С. АБРАМОВ.

Есенин — один из выдающихся поэтов революционной эпохи; его творчество отличается глубокой искренностью, особой интимностью тона и заражающей эмоциональностью...

(Из «БСЭ». 1-е издание)

А. ВОРОНСКИЙ

Есенин — чрезвычайно одаренный поэт, такой, каких у нас в России можно счесть по пальцам одной руки...

(«Красная Новь» 1924 г., № 1).